

Из-за того, что Вэй Чуцзюнь наотрез отказался ехать в больницу, когда ему закончили делать ледяной компресс, было уже за час ночи.

Красный отёк немного спал, и Гуй Лян наконец поверил, что Вэй Чуцзюнь действительно ничего себе не сломал.

Переживавшая полночи троица теперь наконец-то могла нормально выспаться.

Гуй Лян-то заснул крепким сном, а вот Вэй Чуцзюнь никак не мог задремать — как назло, ни в одном глазу.

А Цзян Ци, обычно толстокожий и беззаботный, на этот раз страдал от жуткой бессонницы.

Он никак не мог взять в толк: почему его лучшие братья вечно считают, что он говорит слишком много и обладает на редкость бестолковым языком?!

Так ведь быть не должно!

Это же противоречит всякой логике?!

Повернув голову, он бросил взгляд на Вэй Чуцзюня и обомлел: с чего это тот всё ещё копается в телефоне?!

Экран этого телефона светился, кажется, ни на секунду не угасая.

Цзян Ци почувствовал раздражение, протянул руку и включил прикроватную лампу. Свет был тускловатым, но он отчётливо разглядел слёзы в уголках глаз Вэй Чуцзюня, лежавшего на соседней кровати.

Он замер.

Вэй Чуцзюнь в панике пот тыльной стороной ладони лицо, перевернулся на другой бок и натянул одеяло прямо на голову.

Цзян Ци решил, что тот всё это время хорохорился, а теперь у него наконец заболела рука, и принялся дергать его за одеяло.

— Вставай.

Вэй Чуцзюнь мёртвой хваткой вцепился в край одеяла, не отпуская его. Они принялись перетягивать постель — ни один не хотел сдаваться.

— Ты чего расклеился, с чего вдруг ревёшь?! — не переставая тянуть чужое одеяло, Цзян Ци подключил тяжёлую артиллерию в виде словесной атаки.

В конце концов, в какой-то момент потерявший бдительность Вэй Чуцзюнь был вытащен Цзян Ци наружу и посажен на диван в гостиной.

Уставившись на те самые покрасневшие глаза, Цзян Ци приподнял бровь:

— Чего тебе, сам же подрался, а всё равно недоволен?!

Вэй Чуцзюнь молчал.

— И снова ревёшь. Здоровенный лбом мужик, подрался — и плачет, — Цзян Ци нахмурился. — Рука разболелась, что ли?!

Вэй Чуцзюнь молчал.

— Спрашиваю ведь, а в ответ ни звука? — Цзян Ци так и подмывало ткнуть Вэй Чуцзюня пальцем в лоб. — Чего ты, и слова сказать нельзя? Пару раз тебя задели, и сразу в слёзы?!

Вэй Чуцзюнь поднял на него взгляд и ничего не ответил.

— Ты чё на меня уставился?! — выдал Цзян Ци густой дунбэйский говор. — Чего, по-твоему, я по-дунбэйски шпрехаю, не понимаешь ни черта?!

Вэй Чуцзюнь:

— Тише... чуть-чуть.

— Да чё такое-то, — язык у Цзян Ци и вправду был без костей. — Спать людям мешать додумался, а сам чего посреди ночи не спишь?!

Вэй Чуцзюнь снова посмотрел на него:

— Устал.

— Раз устал, так чё не спишь?! — озадачился Цзян Ци. — Ты что, совсем безмозглый?! Не знаешь, что от недосыпа волосы лезут?

— ...

Глядя на жалкий вид парня, Цзян Ци сжалился:

— Рука ноет, уснуть не даёт, да?

— Нет... да.

— Я же говорю: упёртый, а сам всё отрицаешь, — Цзян Ци почувствовал себя невероятно великодушным. — Скажи прямо, что болит, я же не стану над тобой смеяться. Здоровенный мужик, а гибкости никакой?

— Я... не упрямлюсь. — Вэй Чуцзюнь с трудом давались слова.

Цзян Ци и самому слушать это было тяжело:

— Ладно-ладно, не упрямишься, доволен? Ну и безмозглый же ты!

Вэй Чуцзюнь промолчал и только зыркнул на Цзян Ци исподлобья.

Цзян Ци скривил губы:

— Ещё и пялится! Только ты умеешь глаза таращить, я что ли нет?!

Вэй Чуцзюнь внутри просто кипел от злости!

Ему сейчас жутко хотелось кому-нибудь врезать.

— Ну так что, реветь-то больше не будешь?!

Вэй Чуцзюнь не отвечал.

— Эй, я с кем разговариваю, малец? Спрашиваю тебя! Ну ответь ты хоть слово!

Цзян Ци казалось, что Вэй Чуцзюнь проявляет крайнее неуважение.

Тот посмотрел на него и продолжал молчать.

— Чего уставился-то?! — Цзян Ци взметнул брови. — Знаю, что хорош собой, но не обязательно же пялиться на меня неотрывно. Рука-то всё ещё болит?

Вэй Чуцзюнь наконец соизволил отреагировать и качнул головой.

— И правда не болит?! — нахмурился Цзян Ци. — Боишься кого разбудить, так это не повод

молчать как рыба!

— Не болит!

— До этого рука казалась раздутой с гусиное яйцо, точно кости не задеты?! Ревел оттого, что терпеть мочи не было?! — принялся гадать на кофейной гуще Цзян Ци.

— Нет!

— А отчего тогда?! Неужели я тебя испугал, когда свет резко включил? Если так, кишка у тебя тонка, братец, — продолжал трепаться Цзян Ци.

— Ничего подобного.

— Тогда почему ночью не спишь? В игрушки на телефоне залипаешь, признавайся?

— Нет.

— Сам говоришь, что устал, но не ложишься — точно упрямисься и боишься, что я смеяться стану, — Цзян Ци схватил Вэй Чуцзюня за ту самую руку, по которой пришёлся удар палкой. — Ну-ка, покажи рану.

— Не надо.

— Живее давай, я же слово дал, что смеяться не буду, шевелится!

Цзян Ци был уверен, что Вэй Чуцзюнь просто упрямится, и твёрдо решил настоять на своем.

Вэй Чуцзюнь сопротивлялся, но рука действительно саднила, и пары движений Цзян Ци хватило, чтобы вытянуть её на свет.

Он закатал рукав: на бледном предплечье отёк почти спал, но крест-накрест лежавшие багровые шрамы при свете лампы выглядели зловеще, они ещё не до конца посветлели и рассосались.

Цзян Ци опешил, его рот приоткрылся:

— Это... что за...

Вэй Чуцзюнь испугался, собрал последние силы и попытался выдернуть руку назад, но Цзян Ци, явно ожидававший подвоха, вцепился мёртвой хваткой.

— Слышь, ты чего отдёргиваешь?! Твою руку что, людям показать нельзя?!

Этот несмолкаемый дунбэйский акцент Цзян Ци постоянно сбивал Вэй Чуцзюня с мыслей.

— Откуда эти шрамы?! — продолжал допытываться Цзян Ци, хотя в глубине души уже держал ухо востро. — Послушай, даже если ты хреново сдал экзамены, не повод же так убиваться! Кого ты напугать вздумал?! Разве ты не знаешь, что любые железные предметы — это опасность? У тебя уровень интеллекта детского сада?! Такое элементарное вещи объяснять надо? Ты что, и впрямь безмозглый?!

Речи Цзян Ци довели Вэй Чуцзюня до такого стыда, что он был готов провалиться сквозь землю.

— Я... я спать хочу, пойду лягу.

— Глянь-ка, опять слова сказать не даёт, чуть что — сразу злиться! Спать он собрался! Какое ещё спать? Бодрости вон хоть отбавляй, опять в игры залипать собрался? — Цзян Ци завёл пластинку с заботами наседки-матери. — В играх сливаешь, а потом по ночам под одеялом тихонечко плачешь — позорище!

Вэй Чуцзюнь:

— ...

— Сиди здесь и жди.

— Зачем это?

— А зачем ещё посреди ночи люди встают? — злобно бросил Цзян Ци. — Молока тебе подогрею. Выпьешь — и я лично буду сторожить, пока не уснёшь. Если не уснёшь — получишь на орехи.

Вэй Чуцзюнь:

— ...

В конце концов Вэй Чуцзюнь под бдительным присмотром Цзян Ци действительно провалился в глубокий сон.

Это был первый раз за столько дней после возвращения, когда он спал настолько крепко.

Главное — на душе стало спокойно.

На следующий день Гуй Лян собирался разбудить Вэй Чуцзюня перед уходом, но, увидев, как крепко тот спит, будить не стал, а потом случилось то самое.

Впрочем, Вэй Чуцзюнь об этом ничего не знал.

Проспав до самого полудня, он выбрался из комнаты и с порога услышал, как Цзян Ци с кем-то разговаривает по телефону.

О чём именно шла речь, было непонятно, но брови Цзян Ци сошлись на переносице, и вид у него был крайне недовольный.

Услышав шорох в дверях, Цзян Ци бросил на него мимолётный взгляд, бросил палру дежурных фраз и сбросил вызов.

— Проснулся?!

Вэй Чуцзюнь, ещё не до конца отошедший от сна, некоторое время ошарашенно смотрел на него, а потом кивнул и выдал:

— Угу.

— В холодильнике шаром покати, есть хочешь?

Вэй Чуцзюнь помотал головой.

— Тогда... сходим вместе в магазин за продуктами?

Вэй Чуцзюнь кивнул:

— Я... я переоденусь.

Цзян Ци прождал в гостиной минут двадцать, после чего они вместе вышли из дома.

Вэй Чуцзюнь по обыкновению был в наушниках — неизвестно только, какая музыка там играла.

За мгновение до того, как переступить порог супермаркета, Цзян Ци сунул край своей куртки прямо в руку Вэй Чуцзюню.

Тот машинально зажал ткань пальцами и ошеломлённо уставился на него.

Цзян Ци кашлянул в кулак и пояснил: мол, боится, что Вэй Чуцзюнь потеряется в

супермаркете, а потом забьётся в угол и будет реветь от страха.

В конце концов Вэй Чуцзюнь так и вошел внутрб, до победного вцепившись в полу чужой куртки.

Хотя в голове у него творился полный туман.

Пока Вэй Чуцзюнь приходил в себя, Цзян Ци с важным видом сверился со списком покупок и стал сгребать продукты строго по пунктам.

Заметив, что тележка наполняется подозрительно быстро, Вэй Чуцзюнь нерешительно дёгнул Цзян Ци за рукав.

— Чего ещё?

Вэй Чуцзюнь указал на гору добра в тележке:

— Обязательно столько набирать?

— Разве это много? — в свою очередь удивился Цзян Ци.

Вэй Чуцзюнь молча кивнул.

Цзян Ци хмыкнул:

— Значит, ты просто не видел, как закупается мой отец. Наш двухстворчатый холодильник и то еле вмещает всё.

Угли губ Вэй Чуцзюня слегка дёрнулись.

— Правда, матушка вечно пилит его за это, но он ни в какую не исправляется, — в голосе Цзян Ци прорезалась изрядная доля гордости.

Вэй Чуцзюнь с видимым трудом кивнул.

— Ладно, всё равно не представишь, так что не буду тебя мучить.

Вэй Чуцзюнь:

— ...

Цзян Ци подцепил рыбу, взвесил её в пакете и забросил в тележку. Вэй Чуцзюнь украдкой бросил взгляд на зажатый в его руке список и облегченно выдохнул: похоже, отоварились.

Но когда Цзян Ци извлек из кармана брюк ещё один исписанный листочек, Вэй Чуцзюнь окончательно убедился, насколько узок его собственный кругозор.

Вдвоём они покатали тележку прямиком в фруктовый отдел.

Вэй Чуцзюнь решил, что Цзян Ци — настоящий транжира, и когда тот потянулся за пакетом для фруктов, всё же попытался его остановить:

— Не надо... хватит покупать.

Цзян Ци замер с пакетом в руке и уставился на него:

— Почему?

— Да просто так, не бери больше.

— «Просто так» — это какой ответ? С какой стати мне запрещать? — дунбэйский акцент Цзян Ци звучал чертовски комично.

— Слишком много, — Вэй Чуцзюню казалось, что сосед швыряется деньгами на ветер.

— Ой, да я же с самого утра консультировался! Не даёшь брать? — Цзян Ци чуть насупился.

— С кем консультировался?

— С матерью, — Цзян Ци скривил физиономию, поясняя непонятливому соседу. — Спросил её: что делать с таким врединой, который вечно нос воротит от еды и толком не питается?

— И что делать? — поинтересовался Вэй Чуцзюнь.

— Я-то думал, врезать ему разок, — Цзян Ци приподнял бровь. — А она велела приготовить для человека что-нибудь вкусненькое, настоящее имперское пиршество из ста блюд, чтобы и вид, и аромат на высоте. И ещё наказала пичкать витамином С, так что фрукты — обязательны.

Вэй Чуцзюнь даже не нашёлся что ответить, поэтому выдал максимально бесстрастно:

— Твоя мама тебя обманула.

Цзян Ци покачал головой:

— Исключено. Матушка — профессор психологии, кого угодно обведет вокруг пальца, но только не родного сына. Я ведь для неё самый близкий человек.

— Родных детей обычно обманывают с особым удовольствием, — изрёк философскую истину Вэй Чуцзюнь.

Цзян Ци:

— ...

— Не бери больше, — Вэй Чуцзюнь покосился на переполненную тележку и вздохнул. — Пошли на кассу.

С этими словами он ухватил Цзян Ци за край куртки, намереваясь утащить его прочь.

Но разве Цзян Ци позволил бы ему командовать парадом?

Он поволок сопротивляющегося Вэй Чуцзюня к прилавку, нагрузил тележку ещё парочкой сортов фруктов и лишь после этого соизволил направиться к кассам.

Вэй Чуцзюня с невозмутимым видом катали туда-сюда, возражать было бесполезно.

На обратном пути Цзян Ци впервые за всё время не позволил Вэй Чуцзюню тащить пакеты с продуктами.

Никаких подколов, никакой нудной морали, ни намёка на раздражение.

Вэй Чуцзюнь вовсе не думал, что у соседа внезапно проснулась совесть — скорее уж тот просто забыл выпить свои таблетки.

Вэй Чуцзюнь ломал голову: Цзян Ци живёт у него уже столько дней, а за еду платит исключительно из своего кармана.

Если его самого выставили из дома без гроша в кармане, откуда у него вообще водятся деньги на такой широкий размах?!

Цзян Ци загадочно улыбнулся:

— О, об этом ты ещё не знаешь. Матушка прознала про отцовский заначковый тайник с моей подачи, так что теперь мне перепала шестизначная премия.

Вэй Чуцзюнь:

— Заначка?! И сколько там?

Цзян Ци захихикал:

— Всего-то монетка в один юань, которую я подкинул отцу под подушку, а потом сдал его с потрохами маме. Один юань превратился в шестизначную награду — как думаешь, оно того стоило?

— Почему?! — Вэй Чуцзюнь искренне не понимал, как можно так подставлять собственного отца. — Он точно твой родной батя?

— Родной. Но кто просил его выгнать меня из дома ради какой-то там твоей бумаги с извинениями? Думал, я стерплю подобное хотя бы месяц?

Вэй Чуцзюнь:

— ...

Вэй Чуцзюнь:

— Ты... почему раньше не сказал?

Цзян Ци искоса глянул на него:

— Ещё бы я оправдывался! Ты тогда стоял с совершенно деревянной миной, будто я тебе бешеные деньги задолжал. Ещё чего доброго врезал бы мне пощёчину со страху.

Вэй Чуцзюнь посмотрел на него:

— ...

— Чего уставился? Разве я не прав? — Цзян Ци тоже уставился на него в ответ. — Стоило мне чуть повысить голос, как ты босиком удрал из квартиры, хотя я пальцем тебя не тронул!

Вэй Чуцзюнь:

— Прости.

— Ладно! Забыли, — великодушно махнул рукой Цзян Ци.

— Тогда... почему ты до сих пор не вернулся домой? — поинтересовался Вэй Чуцзюнь.

Цзян Ци вздохнул:

— Эх, ты же не знаешь. Я крепко разозлил матушку, и она меня выставила, а батя просто стоял в сторонке и смотрел на всё это циничным взглядом.

— Вы с матерью так и не помирились?

— Пока нет, — Цзян Ци скривил губы. — Мать солидарна со мной только в вопросах поиска отцовских заначек. Как только этот период заканчивается, я снова превращаюсь для неё в бродягу с улицы, которого она видит впервые в жизни.

Вэй Чуцзюнь:

— Кхм... точно родной?

— Угу, прочувствовал всю глубину родственных чувств? — Цзян Ци крутил в руках пачку квашеной капусты. — Ладно, раз такое дело, выручай!

— Мм???

Цзян Ци кивнул на рыбу, лежавшую в раковине:

— Чисти рыбу!

— Сам не умеешь?

Цзян Ци даже глазом не моргнул и утвердительно кивнул.

— ...Ладно.

Вэй Чуцзюнь с замиранием сердца протянул руку, подцепил скользкую рыбку, переложил её на разделочную доску и взял в другую руку кухонный нож.

Живая рыба редко сидит смирно, и едва Вэй Чуцзюнь дрожащей рукой занёс лезвие над чешуёй, добыча резко взбрыкнула. Парень не удержал её, и всё закончилось предсказуемой катастрофой.

— Ай!

Услышав окрик, Цзян Ци моментально швырнул пакет с капустой в корзину и бросился к раковине оценивать масштаб бедствия.

— Ты чего творишь?!

Вэй Чуцзюнь обернулся к нему с ножом в руке; на тыльной стороне его ладони алел глубокий порез, из которого тонкой струйкой сочилась кровь.

Цзян Ци перепугался, выхватил у него нож, швырнул его на разделочную доску и вихрем вытащил Вэй Чуцзюня из кухни.

Перерыв все ящики в поисках коробки с пластырями, он принялся аккуратно заматывать рану.

— Я же попросил рыбу почистить, — нахмурился Цзян Ци. — Ты как умудрился палец распороть?! Воображаешь себя русалкой, что ли?

Вэй Чуцзюнь смущённо пробормотал:

— Я... я просто случайно.

— Всё, сиди тут и не смей бегать с таким лицом, будто тебя из дома выгнали, — Цзян Ци шумно вздохнул и пробормотал себе под нос: — Потеряйся он тут, мать с меня шкуру живьём спустит!

— Мм? Что ты сказал? — Вэй Чуцзюнь расслышал лишь обрывки фраз.

— Ничего, я ничего не говорил.

Тут в замке щёлкнул ключ. В прихожую с унылым видом ввалился Гуй Лян и сразу уткнулся взглядом в сидящую на диване парочку.

Обладавший феноменальным зрением Гуй Лян моментально заметил пластырь на руке Вэй Чуцзюня.

И почти рефлекторно вырвалось:

— Что стряслось?

Вэй Чуцзюнь:

— Ничего, случайно задел.

— Железные предметы нынче слишком острые, вот оно и вышло, — вполне логично пояснил Цзян Ци.

Гуй Лян:

— ...

В конце концов, из-за того, что Цзян Ци с испугу зашвырнул капусту в мусорный корзину, троица осталась без рыбы в кисло-остром супе и была вынуждена довольствоваться обычной рыбой на пару.

Впрочем, когда Цзян Ци с заискивающей улыбкой преподнёс Вэй Чуцзюню тарелку нарезанных фруктов, тот принял угощение с самым естественным видом.

У него почему-то прочно засела мысль, что между этими двумя определённо кроется какая-то тайна.

<http://bllate.org/book/21927/2278149>